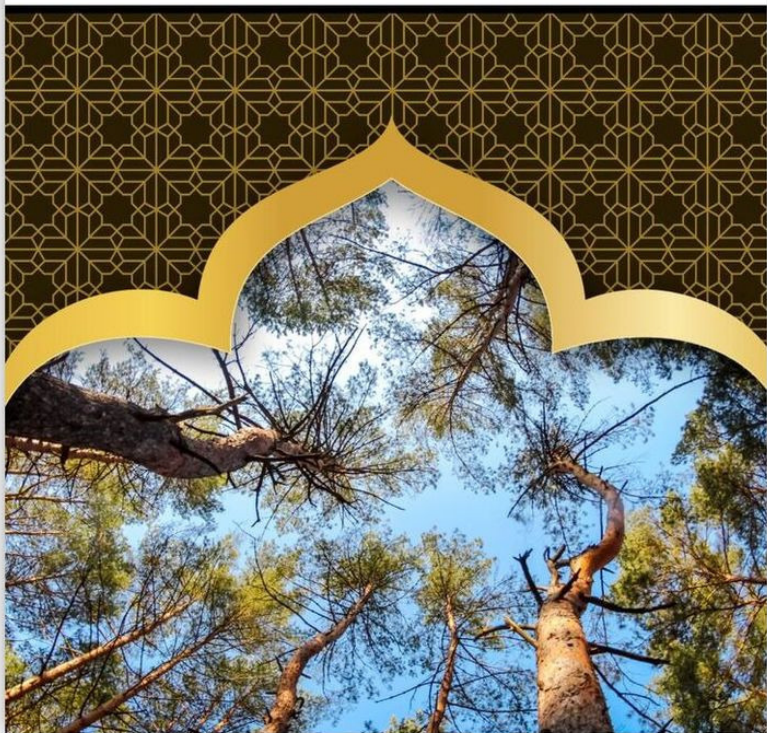

18+

ТАРДЖИМАНИ

Татарская утопия Фатиха Амирхана

Тарджимани Татарская утопия Фатиха Амирхана

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69188215
ISBN 9785005995902*

Аннотация

Здесь рассказывается о повести татарского писателя Фатиха Амирхана «Фатхулла-хазрет». Особое внимание уделено тому, что русский писатель Михаил Булгаков очевидно знал эту повесть и в своей известной повести «Собачье сердце» сделал множество отсылок к ней; более того, Булгаков как будто спорит с Амирханом, ибо по идейному содержанию повести заметно отличаются. Повесть Амирхана «Фатхулла-хазрет» достойна того, чтобы получить такую же известность, как и повесть Булгакова.

Содержание

I. Совпадения не случайны	5
II. Булгаков спорит	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Татарская утопия Фатиха Амирхана Тарджимани

Людмила Щербатых *Дизайнер обложки*

© Тарджимани, 2023

© Людмила Щербатых, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-9590-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Совпадения не случайны

В творчестве Михаила Булгакова можно найти множество отсылок к творчеству других писателей. Например, литературный критик Виктор Шкловский, рецензируя повесть Булгакова «Роковые яйца», замечает там схожие мотивы с некоторыми произведениями Герберта Уэллса. В самой повести прямо говорится: «Владимир Ипатьич, герои Уэльса по сравнению с вами просто вздор... А я-то думал, что это сказки... Вы помните его „Пищу богов?“». Шкловский находит в ней схожие мотивы не только с «Пищей богов», но и с другими произведениями Уэллса («Война в воздухе», «Первые люди на Луне» и «Борьба миров»).

Мы же здесь будем говорить о самой известной повести Булгакова «Собачье сердце». Некоторые обращали внимание, что там есть общие мотивы с «Островом доктора Моро» того же Уэллса. Здесь же я обращаю внимание на то, что в «Собачьем сердце» есть множество отсылок к совсем другому произведению, к повести известного татарского писателя Фатиха Амирхана «Фатхулла-хазрет» (другие варианты переводов названия на русский язык – «Фатхулла-хазрат», «Фатхулла-хазрят» и «Преосвященный Фатхулла»), написанной ещё в 1909—10 годах. Творчество Амирхана для русскоязычных читателей и тем более для читателей всего мира очень мало известно по сравнению с творчеством и Булгако-

ва, и Уэллса. Между тем, этот классик татарской литературы достоин того, чтобы стать известным во всём мире, почему он этого достоин, я здесь постараюсь объяснить.

У повести «Собачье сердце» множество разных истолкований существует. Спорят о том, что хотел сказать автор своей повестью; какие её герои положительные, какие – отрицательные. Есть две экранизации повести: первая итальянского режиссёра Альберто Латтуады, вторая – советского Владимира Бортко. Оба фильма заметно отличаются и друг от друга, и от повести. Сравнивая здесь повести Амирхана и Булгакова, я тоже дам своё истолкование «Собачьему сердцу», которое кому-то может показаться спорным. Но во всяком случае бесспорный факт, что там есть множество деталей, которые можно расценить как отсылки к «Фатхулле-хазрету»; я сделаю свои предположения о том, как и для чего так получилось.

«Собачье сердце» – произведение хорошо известное, вошедшее в школьную программу. Если нужен его текст, то можно легко найти в интернете. Булгаков вносил поправки в повесть, из-за этого опубликованные тексты повести могут местами немного отличаться, но отличия малозначительны. «Фатхулла-хазрет» известен гораздо меньше, чем «Собачье сердце», известен главным образом тем, кто интересовался татарской литературой. Здесь для цитат используется русский перевод этой повести издания 1979 года (Фатих Амирхан. На перепутье. Рассказы и повести. Пер. с та-

тар. Г. Хантемировой. Казань, Татар. кн. изд-во, 1979.). Перевод в общем и целом хороший, хотя и не лишённый недостатков.

«Собачье сердце» по жанру прежде всего сатира, но кроме того ещё и фантастика. «Фатхулла-хазрет» тоже прежде всего сатира, при том ещё и фантастика. Но фантастика иного рода, утопия. Действие переносится из начала двадцатого века в 1950 год, в будущее, которое, по мнению автора, должно быть гораздо лучше настоящего. Повесть написана с большим юмором, читается легко и весело, для тех, кто знаком с историей татарской культуры читается совсем легко, для прочих, могут возникнуть иногда некоторые затруднения в понимании некоторых слов, терминов; и тут уже от мастерства переводчика зависит, удастся ли создать такой перевод, который читался бы совсем легко и весело.

В брошюре Аркадия Емельянова «Мухаммеданская невременная печать на татарском языке в Приволжском и Оренбургском крае за 1912-й год» повесть «Фатхулла-хазрет» оценивается прежде всего как сатира, на фантастическо-утопическую составляющую большого внимания не обращается. Сюжет там пересказывается так: «Повесть или вернее едкая сатира на старометодистов. Главный герой повести мулла Фатхулла, типичный представитель старометодных мулл, ожил через несколько десятилетий после своей смерти, и, со своими устарелыми взглядами в век автомобилей, телефонов и аэропланов, среди людей нового по-

коления с их всеобщим равенством и свободой, оказался в очень комическом положении. С удовольствием пользуясь усовершенствованными условиями жизни культурного века Фатхулла в то же время на каждом шагу видит нарушение требований шариата и легкомысленное отношение к хараму (запретному), а потому возмущается, негодует и, посылая проклятия неверным, устраивает настоящие дебоши, доставляющие немало беспокойства его ближним. Но особенно много неприятностей детям и внукам Фатхуллы причиняет его крайняя похотливость. Ярый поборник гаремного затворничества женщины во имя чистоты нравов, Фатхулла между тем не может равнодушным оставаться в присутствии молодых женщин и девиц. Забывая в таких случаях свои преклонные лета, он начинает подмигивать, хихикать, делать двусмысленные замечания и с уверенностью ждет всякий раз наступления такой минуты, когда ему позволено будет выбрать любую из присутствующих; дело обычно кончается скандалом, с очевидностью доказывающим, что мулла Фатхулла решительно не способен быть в обществе людей благовоспитанных». Тут как раз встречаются слова, которые относятся к мусульманской культуре и могут быть многим неясны. Слово «шариат» обычно знают и те, у кого представление о религии ислам очень поверхностное, его можно специально не объяснять. Слово «харам» в скобках объясняет сам Емельянов, «запретное», это то, что считается в исламе недозволенным. Непонятными могут быть слова «староме-

тодист» и «старометодные муллы». Здесь мы не будем подробно разбирать богословские споры того времени и нашего времени, но немного их затронуть придётся, но расскажем об этом позже.

Современные татары сильно выросли в культурном отношении, для них типы подобные Фатхулле в самом деле выглядят дикими и некультурными. Но если взять весь современный мусульманский мир, то в нём местами пока ещё не редко встречаются такие типы, которые, «с удовольствием пользуясь усовершенствованными условиями жизни культурного века»...«в то же время на каждом шагу» видят «нарушение требований шариата», возмущаются, негодуют «и, посылая проклятия неверным», устраивают из-за этого «настоящие дебоши».

Повесть Амирхана – сатира прежде всего на старометодников-кадимистов (немного подробнее о них расскажем далее). При этом вера в Бога и существование пророков не отрицаются. Там критикуется фанатичная нетерпимость в религии, богословская схоластика (богословские измышления оторванные от реальной жизни), суеверия, явно не соответствующие данным науки. Но вера в Бога, очищенная от всех этих отрицательных черт, не отрицается. В обществе будущего, описанном в повести, религия, хотя и сильно изменилась, но осталась и совсем исчезать не собирается, хотя и стала личным делом каждого отдельного человека, никого там никак не принуждают к исполнению религиозных обрядов

и предписаний. Татары в предполагаемом будущем, которое описывается в утопии Амирхана называют себя мусульманами. Кстати, в том переводе, изданном в советское время, которым мы будем пользоваться упоминание об этом упущено, редактор ли это сделала, или сама переводчица, нам неизвестно. Видимо, это сделано из цензурных соображений, ведь в соответствии с господствующей в СССР идеологией религия в будущем должна была отмирать. А здесь показано общество будущего, где религия, хотя и изменилась, но отмирать не собирается.

Сделаем замечание и относительно «века автомобилей, телефонов и аэропланов». Амирхан, описывая в 1909—10 годах предполагаемое будущее, во многом верно предсказывает, каким будет развитие техники. Эта тема в повести не главная, но она там затрагивается, и мы её затронем. Например, Амирхан описывает устройство (у него оно называется «зеркальный беспроволочный телефон») очень похожее на современный смартфон. Очень интересно узнать, как известный для татарского мира, но неизвестный для большинства человечества, писатель сумел так весьма точно предсказать развитие техники, о том подробнее расскажем в дальнейшем.

Прочитываем повесть «Фатхулла-хазрет», самое её начало. В оригинале есть много арабских слов и фраз, в имеющемся переводе арабские слова написаны русскими буквами, а перевод их дан в сносках. Мы упростим цитаты, не бу-

дем давать подстрочные сноски, а сразу заменим внутри текста арабские слова переводом.

«В номере 12764 газеты «Татары», миллионные тиражи которой расходятся среди татар России и крупных городов Западной Европы, а также среди османских турков и монголов, в разделе «Из университетов» сообщалось, что на восьмой день месяца зульхиджа, в день тарвия, профессор Муслимов оживит труп муллы Фатхуллы Рахматуллина, умершего сорок два года назад. В связи с этим событием газета давала краткое жизнеописание Фатхуллы-хазрета. Из этих сведений явствовало, что Фатхулла-хазрет умер в 1908 году в возрасте пятидесяти лет; в свое время был муллой, владыкой верующих, в одном из приходов Казани; написал несколько статей в порнографический журнал «Вера и жизнь», искал покровительства живых идолов, именуемых ишанами, которые в тогдашнем татарском обществе были в большом почете, глубоко чтил их и был ярым гонителем лучших представителей татарской интеллигенции.

О предстоящем событии жителям Казани стало известно в тот же день, в девять часов утра. Все с нетерпением ждали момента, когда можно будет узнать привычки и нравы татарского муллы-черносотенца, так как Фатхулла-хазрет пока что был единственным муллой, кого собирались оживить из числа покойников.

Молодежь поспешила в книжные магазины, чтобы купить и прочесть комедии из жизни татарского общества нача-

ла двадцатого века, особенно из жизни духовенства. Некоторые отправились в музеи, чтобы перелистать старинные книги нравоучений и наставлений, а также номера журнала «Вера и жизнь», хранившиеся как доказательство бесстыдства духовных владык, подобных Фатхулле-хазрету. Старик же еще раз с отвращением вспомнил о гнусных сторонах татарской жизни в прошлом. Словом, каждый стремился запастись сведениями, чтобы лучше понять суть и повадки неистового муллы того времени.

Подготовка шла особенно оживленно в доме доктора Ахмета-эфенди, сына Фатхуллы-хазрета. Ахмет-эфенди лишился отца еще ребенком; благодаря своим способностям и упорству он окончил университет. Это был татарский интеллигент, который, по сравнению с отцом, жил совсем иной жизнью. По правде говоря, когда решили оживить одного из мулл-мракобесов, только благодаря стараниям Ахмета-эфенди остановили выбор на покойном Фатхулле. Так, если доктор своим появлением на свет был обязан отцу, – теперь отец был обязан жизнью сыну. (Очевидно, изречение из старых книг, гласящее: доброе дитя – милость божия, как раз подходило для данного случая.)

У Ахмета-эфенди было две дочери – Лейля, восемнадцати лет, Нафисэ, четырнадцати лет, и сын Зыя, гимназист.

Дети доктора также нетерпеливо готовились к встрече с дедом, спеша прочесть в библиотеке отца старинные книги о жизни татар. У Лейли уже накопилось множество вопро-

сов к деду: о правах женщин, о том, как муллы того времени решали женский вопрос...»

Относительно журнала «Вера и жизнь» даётся такое примечание автора: «Журнал, издававшийся в 1906—1917 гг. реакционным духовенством. В журнале печатались откровенно порнографические, бесстыдные статьи. После того, как один из редакторов журнала в своей статье написал: „Корни разврата – в женщинах, распутство мужчин идет от них. Женщины не должны показываться мужчинам. Мы при их виде не можем сдерживать себя“, – в татарской прогрессивной печати сторонников указанного журнала стали называть „жеребчики“ из журнала „Вера и жизнь“.»

Завязка обеих повестей схожа: двое учёных-медиков, профессор и доктор (профессор Муслимов и профессор Преображенский, доктор Ахмет и доктор Борменталь соответственно), дают жизнь одной личности, поведение этой личности часто выглядит странным и диким. Оживление в обеих повестях происходит незадолго перед большим религиозным праздником. День тарвия месяца зульхиджа, когда действие «Фатхуллы-хазрета» начинается, значит, за два дня до мусульманского праздника Курбан-байрам. В «Собачем сердце», согласно записям доктора Борменталья, операция над собакой Шариком начинается «23 Декабря», то есть за два дня до Рождества по новому стилю (григорианский календарь), а человеческие признаки у Шарика начинают преобладать накануне Рождества по старому стилю (юли-

анский календарь). «6 Января. <...> Сегодня после того, как у него отвалился хвост...» В обеих повестях у одного из учёных-медиков отец был духовным лицом, у доктора Ахмета – муллой, а профессор Преображенский говорит, что его отец был «кафедральный протоиерей».

В примечании говорится, что таких мулл, подобных Фатхулле, называли «жеребчиками», об этом в повести и далее не раз упоминается. Так что обоих героев повестей (Фатхуллу и Шарикова в повести Булгакова) уподобляют животным, соответственно жеребцу и собаке. Надо заметить, что в прежней России жеребцам уподобляли не только мулл, но обычно попов. В известной поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» священник спрашивает крестьян: «Скажите, православные,/ Кого вы называете,/ Породой жеребьячьей?» «Породой жеребьячьей» в русском народе называли священников.

Продолжим цитировать «Фатхуллу-хазрета». Цитаты из повести Амирхана будем давать весьма обширные, именно потому, что повесть малоизвестна за пределами татарской литературы, и эти цитаты позволят тем, кому она ещё неизвестна, её хотя бы отчасти оценить.

«Наступил день тарвия месяца зульхиджа 1950 года. Ординарный профессор медицины Казанского университета Муслимов в учебной аудитории, окруженный студентами всех национальностей, окончив лекции о методах оживления умерших, объявил своим ученикам, что сейчас он в ви-

де опыта покажет оживление трупа, и, обратившись к седобородому доктору лет пятидесяти – это был доктор Ахмет, – попросил его дать краткие сведения о покойнике, которого предстояло оживить. Ахмет-эфенди объяснил студентам, что перед ними лежит его покойный отец, бывший казанский мулла Фатхулла Рахматуллин, умерший сорок два года назад, что труп им был реставрирован за три месяца.

Профессор Муслимов подошел к трупу и довольно долго пускал в нос и глаза мертвеца какое-то лекарство, а студенты по его указанию сгибали и разгибали конечности покойника.

Не прошло и часа, как покойник чихнул. Спустя немного он снова чихнул и возгласил: «Аллах! Благослови, боже!» Теперь профессор попросил студентов выйти из аудитории – оживленному был необходим покой.

Еще через час Фатхулла-хазрет открыл глаза, осторожно приподнялся и сел. Он хотел было по старой привычке крикнуть жене: «Мать, дай воду для омовения!» – но, увидев перед собой двух мужчин, с виду русских, решил, что не на шутку захворал и его доставили в больницу.

– Думуй надо, тяперьче здурув (Искаженная русская фраза: «Домой надо, теперь я здоров»), – сказал он, обращаясь к профессору и мысленно перенесясь домой. Думал он о том, как бы вернуться к своей абыстай и поспеть на полуденную молитву. К нему приблизился доктор Ахмет.

– Отец, я ваш сын Ахмет. Вы, может быть, уже забыли меня. Я лишился вас совсем маленьким. Сейчас вы узнаете все,

что с вами произошло, – сказал доктор и предложил мулле одеться.

Фатхулла-хазрет был немало изумлен тем, что какой-то мужчина с седой бородкой, с виду русский, заявляет, будто он – его сын Ахмет. Но решил сперва все же одеться, ибо был совсем наг, а потом уже разглядеть стоявшего перед ним человека. Быть может, его глаза плохо видят? Поэтому, не возражая, взял из рук Ахмета-эфенди одежду. Каково же было его удивление, когда обнаружил, что одежда сплошь «русская»; теперь-то он не верил ни ушам, ни глазам своим. Уж не снится ли ему все это?

Хазрет размышлял долго, его охватил страх: не иначе, как эти двое – миссионеры, сперва хотят одеть его во все русское, а после обратить в неверного; вот почему один из них, хотя и русский, говорит по-татарски и пытается уверить, что он – его сын Ахмет.

– Знакум, пожалуйста, не делайте меня русским, прошу вас, не насилуйте меня, – попросил он Ахмета-эфенди.

Ахмет-эфенди снова повторил то, что говорил раньше, и объяснил, что хочет одеть его и увезти домой. Понятно, Фатхулла-хазрет не поверил и собирался было опять упрашивать, чтобы отпустили его, но, услышав, как профессор Муслимов на языке эсперанто сказал Ахмету-эфенди: «Какой упрямый!» – решил, что перед ним немецкие миссионеры и они собираются обратить его в христианина. Обливаясь слезами, он стал одеваться.

Как ни пытались успокоить его профессор и Ахмет-эфенди, ничто не помогало – Фатхулла-хазрет все больше убеждался, что имеет дело с немецкими миссионерами и ему придется пойти с доктором Ахметом».

В оригинале Фатхулла-хазрет, воскреснув, говорит (приблизительно, ибо некоторых звуков точно передающих звучание этих слов в русском языке нет): «Алла! Астагфирулла!» («Аллах! Да простит меня Аллах!» – более точный перевод) Сравним с «Собачьим сердцем»: когда собака Шарик превращается в человека, его первыми словами были «абыр» и «абырвалг». Шарик, будучи собакой, умел читать, но одну из вывесок читал справа налево. «Абыр» и «абырвалг» означало «рыба» и «главрыба». Шарик, как Фатхулла, читал справа налево. Ведь Фатхулла читал по-арабски, в его время и в татарском языке использовался арабский алфавит, а по-арабски читается справа налево. Слова «Алла, астагфирулла» и «абыр, абырвалг» даже немного созвучны друг другу.

В повести «Фатхулла-хазрет» профессор и доктор общаются иногда на языке эсперанто, который Фатхулла принимает за немецкий язык. В повести «Собачье сердце» есть упоминание о том, что профессор и доктор общаются по-немецки.

Есть и не такие точные совпадения в деталях, которые можно тоже считать отсылками к повести Амирхана. Например, в воображении пса Шарика некий председатель говорит своей любовнице: «Я теперь председатель, и сколько ни

накраду – все на женское тело, на раковые шейки, на абрау-дюрсо. Потому что наголодался я в молодости достаточно, будет с меня, а загробной жизни не существует». Здесь упоминается о загробной жизни, а у Амирхана показана загробная жизнь Фатхуллы-хазрета. Эта загробная жизнь отличается от жизни до смерти не в пространстве, ибо она проходит на той же земле, а по времени. Вообще, вера в грядущее воскрешение мёртвых существует и в исламе, и в христианстве. В христианстве вера в воскрешение мертвых догматизирована, входит в Символ веры, в исламе практически тоже (хотя строго говоря в исламе нет догматов в том смысле, в каком они есть в христианстве).

Итак, взяв пока только самое начало повести Амирхана мы можем найти несколько деталей, на которые в повести Булгакова есть отсылки. Это практически невозможно объяснить случайным совпадением. Если бы таких совпадений было одно-два, это легко было бы объяснить случайностью. Но здесь таких мест не одно-два, а гораздо больше.

Но кроме совпадений в мелких деталях, здесь есть и противопоставление. Это тоже видно с самого начала. Повесть Амирхана начинается с того, что о предстоящем оживлении Фатхуллы сообщается публично, в газете, сама операция по оживлению тоже проходит публично. У Булгакова публичных объявлений о предстоящей операции нет, потом уже, после операции, пойдут слухи, на основе которых выйдет газетная заметка. Сама повесть Булгакова по своим иде-

ям во многом противопоставлена повести Амирхана, мы это увидим. Булгаков иногда как будто спорит с Амирханом...

II. Булгаков спорит

Продолжим цитировать «Фатхуллу-хазрета».

«Автомобиль остановился перед семиэтажным каменным домом. Ахмед-эфенди вышел из автомобиля и хотел помочь отцу. Но Фатхуллу-хазрет запротестовал:

– Почему не везете меня к нашим мусульманам? Почему скрываете от меня мой дом? Ведь из-за вас я опоздаю на полуденную молитву. Что скажут люди, если увидят меня в час намаза в доме нечестивого русского?

Ахмет-эфенди не обращал внимания на его сетования, и Фатхуллу-хазрету пришлось, проливая горькие слезы, вылезти из автомобиля и войти в дом.

Дома их ждали жена Ахмета-эфенди, дочери и сын. Дети были рады встрече с дедом и хотели его обнять, но доктор не разрешил подходить к деду близко и увел его в приготовленную для него комнату.

Фатхуллу-хазрета встретила молоденькая, миловидная горничная и предложила помочь снять цилиндр. Мулла не знал, как быть, он оказался как бы между двух огней: если цилиндр не снимать – останешься в шапке язычника; если снять – будешь с непокрытой головой, что опять не положено мусульманину. Но, поскольку цилиндр с его головы сняла молодая девушка, он предпочел остаться с непокрытой головой.

Фатхулла-хазрет был поражен, увидя в доме молодых девушек, не скрывающих своих лиц от мужчин. Без сомнения, его хотят совратить с помощью этих красавиц, чтобы затем обратить в кяфира.

Ахмет-эфенди усадил отца в кресло.

– Отец, сейчас тебе подадут обед. После обеда отдохнешь, а потом мы обо всем поговорим. Если тебе что-нибудь понадобится, попроси эту девушку, – сказал он и вышел.

Ошеломленный мулла растерянно оглядел нарядную комнату, уставленную причудливыми вещами, статуэтками, с картинами на стенах. А тут еще и хорошенькая девушка... Он ничуть не сомневался в том, что они хотят заставить его прикоснуться к девушке, дабы обратить в неверного. «Милосердный аллах, пошли мне терпение. Не дай бог воли шайтану; пошли мне на долю добрые дела пророка Юсуфа», – молил он бога.

Служанка накрыла стол к обеду.

– Если я буду вам нужна, нажмите на эту кнопку, – сказала она, уходя.

Фатхулла-хазрет порядком проголодался. Ему хотелось поскорее приняться за еду. Но вот досада, на голове не было тюбетейки, а садиться за еду с непокрытой головой – неприлично и большой грех. После мучительных сомнений он надел на голову цилиндр и только после этого присел к столу. Увидев красный квас, хазрет перепугался, решив, что его хотят опоить вином и в пьяном виде обратить в русского. Од-

нако голод одолел страхи, отложив в сторону нож и вилку, он жадно набросился на еду. Между тем взгляд его бегал по стенам комнаты и вдруг остановился на портрете, с которого смотрел старик в старомодной татарской одежде, в глубокой черной тюбетейке. Фатхулла-хазрет не выдержал, вскочил, подбежал ближе: к его изумлению, под портретом было написано: «Габделькаюм Насыри».

– А, слепой Каюм! Недаром этого анафему наше духовенство считало миссионером. Так оно и есть. Он заодно с этими миссионерами!

В хазрете разыгрались «святые» чувства, и он, схватив столовый нож, бросился к портрету, взобрался на стул и порезал изображение Каюма Насыри в нескольких местах. (Портрет был приобретен Ахметом-эфенди за сорок тысяч рублей на прошлогодней выставке татарских художников.) Он хотел было накинуться и на другие картины, но, подумав, что, пожалуй, каждая из них стоит не меньше рубля и, чего доброго, его заставят уплатить, а денег у него нет, удержался от соблазна. Он вернулся к столу, чтобы доесть суп, но нечаянно нажал локтем на кнопку одного из звонков – тарелка с супом неожиданно скрылась, и вместо нее появилось жаркое из дичи. «Уж не в раю ли я?» – промелькнуло в уме оторопевшего муллы. Он взглянул в окно: в этот миг в воздухе на приставных крыльях пролетели двое юношей и две девушки. Теперь Фатхулла-хазрет не сомневался: он в райских кущах.

– Святые обитают в раю! Святые обитают в раю! – прыгая

от восторга, повторял он арабское изречение. Затем принялся размышлять, за какие заслуги он очутился здесь. Да, он был врагом джадидистов, этих новометодников. Слава тебе, вседержец мира, он не был в их стане. Искоренял всякую смуту... и в награду ему – рай!.. Пусть теперь полюбуются на него проклятые джадидисты, что томятся в аду! Повторяя по-арабски: «В день светопреставления они заслужат это!», – мулла снова попрыгал на одной ноге. Но тут ему вспомнились описания рая в книге «Дорратеннасихин», и радость угасла. Нет, это не рай. В раю есть реки, в которых течет сладкий шербет, они называются Кавсар и Сальсабиль, там стоят не каменные дома, а шатры, стены которых выложены изумрудом, и гурии должны ублажать его. Мулла окончательно растерялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.